

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КОНСКИХЪ ПОДПРУГЪ

въ деревнѣ Казачьей Слободѣ.

Мѣстоположеніе и населеніе.

На лѣвомъ низменномъ берегу рѣки Сундовика, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка начинаетъ вступать въ южные предѣлы села Большого Мурашкина, тянется длинная улица довольно чистенькихъ домовъ, которая, близко примыкая къ Мурашкину, составляетъ съ нимъ одну цѣпь и представляется его продолженіемъ. Это — Казачья Слобода, которая не только не составляетъ части Мурашкина, но и отдѣлена отъ него административной границей, такъ какъ начинаетъ собою самостоятельную казачье-слободскую волость. Со временъ царствованія Михаила Федоровича въ Казачьей Слободѣ жили служилые казаки; отъ нихъ она, по всей вѣроятности, и получила свое названіе. Въ настоящее время населеніе ея принадлежитъ къ крестьянскому классу и въ своемъ количествѣ простирается до 261 чел. муж. пола и 295 женскаго. Число заключающихся въ ней дворовъ — 86.

Общая характеристика промысла.

Жители д. Казачьей Слободы главнымъ своимъ занятіемъ имѣютъ земледѣліе. Достаточно вознаграждая трудъ работающихъ и доставляя имъ средства къ пропитанію, оно не исключаетъ однако существованія здѣсь и побочныхъ занятій. Главнымъ изъ нихъ является вязаніе изъ козьей шерсти конскихъ *подпругъ*, необходимыхъ для извѣстной сбруи — сѣделки. Этой работой занимаются здѣсь исключительно женщины (самый типъ этой работы — женскій), которыхъ въ настоящее время насчитывается до 106. Всѣ онѣ при работѣ употребляютъ свой матеріалъ, сами продаютъ издѣлія и являются такимъ образомъ самостоятельными промышленницами. При лѣтней полевой уборкѣ, когда для крестьянина мало остается свободнаго времени, рѣдко можно встрѣтить женщину, занимающуюся вязаньемъ, и промыселъ находится какъ бы въ состояніи обмиранія. Но лишь только оканчивается лѣто и женщины слагаютъ съ себя бремя крестьянскихъ трудовъ,

подпружное производство мало-по-малу начинает сбрасывать съ себя усыпительную оболочку, въ концѣ сентября становится на ноги и стоит на нихъ въ продолженіе всей зимы и весны, чуть не до самаго іюня,—до тѣхъ поръ, пока полевая работа снова не загоняетъ его куда-нибудь въ пыльный уголь и погружаетъ въ старую спячку. Рабочій сезонъ, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ 8 мѣсяцевъ, что составляетъ приблизительно 180 дней.

Было время, когда казачье-слободскіе молодцы, не смотря на близкое сосѣдство ихъ деревни съ Мурашкиномъ, не могли брать себѣ въ жены дѣвицъ этаго послѣдняго, такъ что Слобода была въ нѣкоторой степени изолирована отъ вліяній промышленнаго сосѣда. Но почти уже 25 лѣтъ, какъ преграда эта уничтожена и населеніе свободно смѣшивается. Это обстоятельство для Слободы не прошло даромъ: вмѣстѣ съ женами она получила отъ Мурашкина и *лоскутницъ*, которыя, не желая отставать отъ своихъ старыхъ занятій и приучаться къ новымъ, водворили одѣсь мурашкинскій женскій промыселъ. На первыхъ порахъ знѣ былъ очень слабъ, потому что женская половина населенія имѣла уже занятія (вязанье подпругъ) и переходъ къ новымъ практиковался очень рѣдко; но съ теченіемъ времени, когда и мурашкинскихъ здѣсь стало побольше и казачье-слободскія поближе познакомились съ дѣломъ, промыселъ увеличился, такъ что теперь здѣсь найдется уже до 50 лоскутницъ. Такъ какъ здѣшнія женщины исполняютъ обязанности по сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, то и этому промыслу посвящается не круглый годъ, какъ въ Мурашкинѣ, а лишь тѣ-же 8 мѣсяцевъ; отсюда и заработокъ казачье-слободской лоскутницы долженъ быть меньше и простирается до 30—35 рублей. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не говоря уже, конечно, о его техникѣ и всей внѣшней обстановкѣ, здѣшнее лоскутное производство совершенно тождественно съ мурашкинскимъ; въ силу этаго въ настоящей статьѣ я болѣе не буду его касаться, какъ уже описаннаго въ числѣ мурашкинскихъ промысловъ.

Навязавъ Слободѣ лоскутный промыселъ, Мурашкино тѣмъ и ограничилось: другіе промыслы сюда не переходятъ, и даже

такое большое производство, каково овчинно-мерлушечное, въ продолженіе вѣхъ своихъ вѣковъ успѣло водворить здѣсь лишь одно заведеніе. Причиной этому служить земледѣліе. Лѣтомъ, когда въ Мурашкинѣ идетъ и должна идти самая кипучая работа, казачье-слободскіе крестьяне до поту лица трудятся на поляхъ, а что касается остального времени года, то они съ давнихъ поръ посвящаютъ его вольному ямщичеству. Выпадетъ какъ-нибудь лѣтомъ немного свободнаго времени, ящикъ его не прозѣваетъ. Заложить онъ свою лихую, хотя и не очень взрачную пару, подвѣжетъ, для пущей важности, колокольчикъ, чтобы въ случаѣ можно было съдока потѣшить, и уѣдетъ въ Работки. Приваливаетъ пароходъ, народу много; лошади нужны, — а онъ и тутъ.... Глядишь, — самъ съ лошадьми сытъ, да и домой еще привезетъ. А придетъ зима, тогда многіе по цѣлымъ недѣлямъ, даже мѣсяцамъ и въ Слободу не заявляются: живутъ въ Работкахъ и разъѣзжаютъ оттуда въ разныя стороны. Само собою разумѣется, что эта привольная жизнь лучше какого-нибудь сидячаго скучнаго ремесла; по этому у здѣшнихъ крестьянъ и нѣтъ склонности перенять какой либо изъ мурашкинскихъ промысловъ.

Исторія промысла.

По словамъ старожилонъ, въ Казачьей Слободѣ съ незапамятныхъ временъ существовало вязанье шерстяныхъ чулокъ и варежекъ. Когда и какъ появился здѣсь этотъ промыселъ, отвѣтовъ нѣтъ. Но можно предположить, да по всей вѣроятности такъ и было, что онъ возникъ, благодаря сосѣдству Слободы съ Мурашкиномъ, изъ котораго промышленники легко могли получить необходимый для своей работы матеріалъ — кислую шерсть, остающуюся при выдѣлкѣ овчинъ. Дѣло, какъ говорятъ, шло хорошо и женщины занимались промысломъ почти поголовно. Но въ то-же время въ Слободѣ ютился уже и другой промыселъ, именно *вязанье подпругъ*. Одинъ 85-лѣтній старикъ передавалъ, что его бабушка сначала вязала чулки, а потомъ, прекративъ эту работу, стала вязать подпруги и перешла къ такому

занятію, которое существовало не болѣе какъ въ 5 домахъ; промыселъ, слѣдовательно, былъ *въ началѣ* или, по крайней мѣрѣ, *недалекъ* отъ него. Отсюда можно заключить, что появленіе подпружного производства въ Казачьей Слободѣ относится ко второй половинѣ XVIII столѣтія. Возникло оно, навѣрное, благодаря тому-же сосѣдству съ Мурашкиномъ, въ которомъ вязальщицы и до сихъ поръ покупаютъ матеріалъ (козью шерсть). Въ концѣ прошлаго столѣтія промыселъ былъ еще не силенъ и впередъ подвигался не быстро. Неизвѣстно, скоро-ли онъ усилился-бы и достигъ обширныхъ своихъ размѣровъ, если-бы этому не неблагопріятствовало слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія чулочное и варежное производство, занимавшее, какъ уже сказано, громадное число рабочихъ рукъ, потерпѣло сильный ударъ отъ прекращенія выгоднаго сбыта. Почувствовавъ значительный ущербъ въ заработкѣ, женщины, не желая оставаться безъ дѣла, быстро, одна за другой, стали переходить къ вязанію подпругъ; переходъ былъ тѣмъ легче и удобнѣе, что новый промыселъ имѣлъ много общаго со старымъ, находился съ нимъ, такъ сказать, въ родственныхъ связяхъ и представлялся новымъ промышленницамъ чѣмъ-то уже давно знакомымъ. Скоро старое производство было вытѣснено совершенно и подпружный промыселъ, утвердившись на его развалинахъ, вступилъ въ полныя права. По отсутствію неблагопріятствующихъ обстоятельствъ, ему не приходилось испытывать какихъ-нибудь колебаній; онъ шелъ илвно, безостановочно и считался прочнымъ занятіемъ. Такъ было до конца 70-хъ годовъ, когда положеніе промысла измѣнилось къ худшему. Около этого времени въ большомъ количествѣ стали распространяться *тканья* подпруги, которыя, благодаря своей дешевизнѣ, подорвали сбытъ казачье-слободскихъ издѣлій и значительно понизили ихъ цѣну (рубли на 2 и даже болѣе съ сотни). Сравнительная трудность сбыта и осязательное уменьшеніе заработка не могли, конечно, остаться безъ всякихъ послѣдствій. Нѣкоторыя изъ вязальщицъ, очутившись въ этихъ обстоятельствахъ, тутъ-же прекратили работу и перешли на сторону лоскутнаго промысла.

Увеличеніе числа лоскутницъ на счетъ подпругнаго производства замѣчается и теперь, потому что проходятъ года за годами, а условія старшаго промысла поставившія его въ стѣснительное положеніе, къ лучшему не измѣняются; ничего также не предвидится и въ будущемъ.

Общія экономическія условія.

Общее количество земли, принадлежащей обществу казачьеслободскихъ крестьянъ, заключается въ 1356 десятинахъ, 600 квадр. саж. Надѣлъ на каждую душу простирается до 4 десят.; обработка производится самими крестьянами, потому что промыслы ихъ земледѣлю не препятствуютъ: подпругный промыселъ въ лѣтнюю пору прекращается, а ямщикають лишь тогда, когда въ поляхъ перемежается работа; нѣкоторые, впрочемъ, уѣзжаютъ и во время полевой уборки, но сравнительно немногіе и притомъ такіе, у которыхъ дома остаются еще и нужныя лошади и работники. Скотоводство въ Слободѣ точно также находится въ удовлетворительномъ состояніи; коровъ здѣсь числится 82 (рѣдкій домъ, слѣдовательно, остается безъ коровы), овецъ 110, лошадей 151 и козъ 10.

Вишняя обстановка и производство промысла.

Извѣстно, что большинство кустарныхъ промысловъ, находящихся въ распоряженіи женщинъ, отличается удобопримѣнностью къ обыденной комнатной жизни: они не требуютъ для себя ни особыхъ помѣщеній, ни приспособленій, ни многочисленныхъ и дорогихъ инструментовъ и проч., но во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно просты и не сопряжены со значительными, какъ многіе другіе промыслы, расходами для обзаведенія и поддержки. Въ примѣръ можно привести промыселъ кружевной, чулочный, сѣточный и т. п. Точь въ точь такой-же характеръ имѣетъ и описываемое подпругное производство. Незатѣйливая работа подпругницы происходитъ въ той самой комнатѣ, въ которой она живетъ съ своимъ семействомъ, и не производитъ никакого измѣненія въ ея внутреннемъ устройствѣ и видѣ; комната

и при работѣ, какъ и безъ нея, сохраняетъ всю свою чистоту и развѣ только уже въ рѣдкихъ случаяхъ нисходитъ, по вѣшности до степени крестьянской избы. Здѣсь кстати замѣтить, что населеніе Казачьей Слободы издавна отличается, сравнительно съ жителями прочихъ деревень, чистоплотностью и стремленіемъ держать свои помѣщенія на городскую ногу; поэтому названіе комнаты къ ихъ жилищамъ подходитъ болѣе, чѣмъ названіе избы, и лучше характеризуетъ ихъ внутреннюю обстановку. Домовъ, въ которыхъ производится описываемый нами промыселъ, въ деревнѣ насчитывается 59.

Совершенно освобождая промышленницъ отъ затратъ на постройку какого-либо особаго помѣщенія, подпругное производство не оказывается требовательнымъ и при обзаведеніи необходимыми для него орудіями. Чтобы можно было вести работу, промышленницѣ необходимо пріобрѣсти лишь три незамысловатыхъ предмета: *развилки*, *крючекъ* и *ножницы*. Развилки — это почти то-же самое, что и *сошка*, употребляемая при вязаніи сѣтей (см. описаніе этаго промысла), т. е. небольшія вильцы съ двумя рожками; разница только въ томъ, что рожки эти расщеплены и каждый изъ нихъ раздѣляется такимъ образомъ на двѣ продольныя половины. При работѣ развилки, какъ и сошка, вставляются въ донце, стоящее 10—15 коп. Крючекъ, которымъ вяжутъ подпруги, тоже не заключаетъ въ себѣ ничего хитраго. Это — желѣзная пластинка (около 3 вершк. длиной и не болѣе $\frac{1}{4}$ вершка шириной), на одномъ концѣ завершающаяся головкой съ зубчикомъ, на подобіе обыкновеннаго вязальнаго крючка; стоимость его — 2 или 3 коп. Донце покупается на базарѣ (въ Мурашкинѣ), а крючки изготовляются мѣстными кузницами, иногда, впрочемъ, дѣлаются и самими промышленницами, съ помощію подпилка. Ножницы стоятъ около 50 к., покупаются на базарѣ. Долговѣчность этихъ орудій понятна сама собою.

Матеріаль, изъ котораго приготавливаются подпруги, т. е. *козья шерсть* (бѣлаго, бураго и сѣраго цвѣта), покупается по преимуществу въ с. Мурашкинѣ у промышленниковъ-овчинниковъ. Послѣдніе частію добываютъ ее сами при выдѣлкѣ (стрижкѣ

и чесанія) козьихъ шкуръ, а частію нарочито привозять съ нижегородской ярмарки. Изъ казачье-слободскихъ промышленницъ на ярмарку ѣздять очень немногія, потому что лѣтняя пора занята полевыми работами; въ слѣдствіе этого почти всѣ онѣ получаютъ матеріаль именно чрезъ посредство Мурашкина, которое, такимъ образомъ, и является главнымъ мѣстомъ покупки. Закупка происходитъ осенью, предъ началомъ работы, но одинаково можетъ производиться и во всякое другое время года, такъ какъ шерсть найдется здѣсь всегда и притомъ въ обычной своей цѣнѣ. По качеству матеріаль бываетъ неодинаковъ: лучшимъ считается тотъ, который имѣетъ длинный волосъ, какъ болѣе удобный для пряжи и дающій прочную нитку; напротивъ, шерсть съ волосомъ короткимъ принадлежитъ къ низшему сорту. Сообразно съ качествомъ матеріала цѣны на шерсть далеко не однѣ и тѣ-же; низшій сортъ продается по 2 р. 50 к. за пудъ, высшій — 3 р. 50 к. и даже 4 рубля. Здѣшнія промышленницы употребляютъ матеріаль, по большей части, средняго качества, такъ какъ цѣны на издѣлія слишкомъ низки и съ улучшеніемъ матеріала почти не повышаются; но съ другой стороны не совсѣмъ безопасно вязать и изъ худшей шерсти: вмѣсто барыша тутъ какъ разъ можетъ получиться накладъ въ слѣдствіе браковки. Каждая вязальщица въ годъ, среднимъ числомъ, расходуетъ шерсти 11 пуд., на сумму (стоимость пуда полагаемъ въ 3 рубля) 33 рубля.

Купленный матеріаль не сразу поступаетъ въ пряжу, потому что еще не обладаетъ необходимыми для этого качествами. Чтобы придать ему эти качества, его предварительно нужно *перещипать*, а потомъ *перебить*. Первое исполняется самими вязальщицами и состоитъ въ устраненіи изъ шерсти постороннихъ примѣсей и инородныхъ клочковъ; послѣднее поручается шерстобитамъ, которые часто посѣщаютъ селеніе и иногда остаются здѣсь на довольно продолжительный срокъ; за послѣднее время одинъ шерстобитъ живетъ въ Слободѣ даже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. За перебивку берется около 40 к. за пудъ; при этомъ перебитой шерсти изъ пуда выходитъ около 35 ф.,

а изъ плохой — не болѣе 30. Перебитая шерсть идетъ уже въ *вязку*, которая производится самымъ обыкновеннымъ образомъ. Когда готовы нитки, начинается самое *вязанье*. За рожокъ развидокъ привязывается нитка и для неподвижности, въ мѣстѣ своей привязи, захлестывается за зацепину рожка; съ помощію крючка производится такъ называемый *рядъ*, узкая плетеная полоска; къ нему присоединяется другой и третій, причемъ дѣло подвигается и въ длину, и въ ширину, и въ толщину. Три ряда составляютъ *полосу*. Съ продолженіемъ работы является другая полоса, третья, четвертая и т. д., а черезъ нѣсколько времени получается и цѣлая подируга — двухъ-аршинная, широкая, толстая шерстяная лента съ немного суженными концами. Нужно добавить, что подируги готовятся изъ шерсти разноцвѣтной: бѣлой и бурой или сѣдка черной (черная шерсть получается изъ *спрой* чрезъ окрашиваніе этой послѣдней въ составѣ изъ слоховаго экстракта и купороса); цвѣта располагаются поочередно (по-полосно) и притомъ такъ, что крайнія полосы всегда имѣютъ бѣлый цвѣтъ; говоримъ: *всеида*, потому что каждая подируга состоитъ изъ нечетнаго числа полосъ. Когда подиругъ накапливается значительная партія, ихъ слегка подналиваютъ на лучинѣ, чтобы уничтожить все множество торчащихъ волосъ; въ слѣдствіе этого подируга теряетъ свой первоначальный мохнатый видъ. Послѣ очищенія огнемъ подируги должны испытать очищеніе водой; ихъ несутъ на рѣку, моютъ и нецпадно колотятъ валькомъ, съ цѣлью устранить всѣ заключающіеся внутри излишніе мелкіе волоски и придать большую чистоту. Послѣ просушки ихъ немного подстригаютъ ножницами (оглаживаютъ) и связываютъ полусотнями; при этомъ что похуже, то въ серединку, а получше — „на лицо“. Изъ готовой шерсти (пряденной) одна вязальщица въ день можетъ связать среднихъ подиругъ около 4.

По своему размѣру казачье-слободскія подируги распадаются на три сорта; такъ какъ длина всегда очень близка къ 2 арш., то различіе выражается только въ ширинѣ. Мелкій сортъ — это *семиполосная*, шириною около 1¹/₄ вершка, состоя-

щая изъ 7 полосъ: 4 бѣлыхъ и 3 темныхъ; средній — *девятин-посная*, или такъ называемая *девятюшка*, шириною близъ $1\frac{3}{4}$ вершка; крупный — *одиннадцати-полосная* и болѣе, называемая также *полная, широкая*, около $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ вершковъ. Мелкой изъ пуда (т. е. изъ 35 ф. перебитой шерсти) выходитъ около 80 штукъ, средней — около 70, полной 60—55 штукъ. Въ продажѣ всего лучше идетъ девяти-полосная; поэтому она производится здѣсь въ большемъ, сравнительно съ другими сор-тами, количествѣ и можетъ быть принята за основаніе для циф-ровыхъ выводовъ. Каждая промышленница изъ 11 пудовъ ма-теріала приготавливаетъ, слѣдовательно, 770 штукъ подпругъ, а все — 81,620. Въ настоящее время цѣны на эти издѣлія, благо-даря сильной конкуренціи тканыхъ фабричныхъ, значительно понижены, такъ что мелкій сортъ продается 6—7 р. за сотню, средній 8—9 р. и крупный 9—11 р. Если стоимость сотни положить въ 8 р., то окажется, что каждая вязальщица про-даетъ издѣлій на 61 р. 60 к., а все — на 6529 р. 60 к. Прибыли каждая получаетъ около 28 рублей.

Сбытъ издѣлій.

Продажа подпругъ происходитъ, по большей части, на окрестныхъ сельскихъ базарахъ и въ особенности на мурамкин-скихъ, въ розницу крестьянамъ-потребителямъ; но кромѣ этихъ покупателей являются и такіе, которые скупаютъ цѣлыя партіи товара и распродаютъ его въ различныхъ мѣстахъ, болѣе или ме-нѣе отдаленныхъ отъ центра производства. Очень рѣдко ѣздятъ съ ними на нижегородскую ярмарку, въ чаиніи большаго ба-рыша, но за исключеніемъ расходовъ по проѣзду, вязальщицъ остается почти тотъ-же заработокъ, такъ что все хлопоты и безпокойства вознаграждаются очень и очень скудно. Весьма естественно поэтому, что у промышленницъ положительно нѣтъ никакой склонности отправлять свои издѣлія на ярмарку и мѣстные базары являются почти единственными пунктами сбыта.

Санитарныя и культурныя условія.

Въ санитарномъ отношеніи подружная работа не заключаетъ въ себѣ особенно вредныхъ условій для ея производителей; ни пыли, ни душливаго запаха, ни чего либо другого въ этомъ родѣ вязальщицамъ испытывать не приходится и онѣ, такимъ образомъ, являются избавленными отъ самой опасной язвы, — отъ той, которая, встрѣчаясь во многихъ другихъ ручныхъ производствахъ, съ роковою неизбѣжностью разрушаетъ крѣпость организма и губить цѣлыя сотни рабочаго люда. Нельзя не признать, что это обстоятельство имѣетъ громадное значеніе. Находясь внѣ самыхъ гибельныхъ условій, вязальщицы оказываются не застрахованными лишь отъ послѣдствій постоянно-сидячаго положенія; но такъ какъ это послѣднее не соединено съ особымъ напряженіемъ и можетъ быть болѣе или менѣе свободнымъ, то и тутъ сильнаго вреда не причиняется, по крайней мѣрѣ, онъ незаметенъ. Поэтому никакихъ болѣзней, зависящихъ собственно отъ промысла, здѣсь нѣтъ. Если случается кому-либо изъ казачье-слободскихъ жителей заболѣть, то за медицинской помощью обращаются въ мурашкинскій пріемный покой, ежедневно посѣщаемый врачомъ.

Характеръ населенія Казачьей Слободы подходитъ къ типу подгородному; духъ цивилизаціи здѣсь несравненно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ, и съ перваго-же взгляда ставитъ жителей въ ряды людей „облагороженныхъ“. Прежде всего это выражается во внѣшности: какъ внутренняя обстановка помѣщеній, такъ и самая одежда жителей въ большинствѣ случаевъ лишены обыкновенной деревенской грубости и носятъ видимые слѣды вкуса; во всякомъ случаѣ, вкусъ этотъ нельзя назвать утонченнымъ, такимъ, который былъ-бы способенъ создавать что-либо прекрасное, но достаточно и того, что онъ окружаетъ здѣшнихъ обитателей подобающимъ приличіемъ и чистотой. Тоже самое превосходство замѣчается и въ умственномъ отношеніи. Здѣшній крестьянинъ обладаетъ очень многими свѣдѣніями, совершенно чуждыми для обыкновеннаго сѣраго мужика, и во многомъ пре-

восходить этаго послѣдняго своей развитостью. Грамотныхъ въ деревнѣ очень много; они встрѣчаются не только въ средѣ мужчинъ, но даже и въ числѣ женщинъ, и образованіе свое получили, по преимуществу, въ с. Мурашкинѣ, въ его мужскомъ и женскомъ училищахъ, такъ какъ своей школы въ Слободѣ нѣтъ. Вообще умственный уровень здѣшняго населенія довольно высокъ. Что касается нравственнаго его состоянія, то оно несравненно ниже и будетъ, пожалуй, обратно-пропорціоально умственному. Это можно объяснить, во-первыхъ, сосѣдствомъ Мурашкина, которое постоянными сношеніями съ Слободю невольно надѣляетъ ее своими грѣшками, а во-вторыхъ, - явщицествомъ, при которомъ казачье-слободскому крестьянину, разбѣзжающему по чужимъ сторонамъ, очень легко насмотрѣться и послушаться всякой всячины.

О б щ і е в ы в о д ы .

Выше уже не разъ было замѣчено, что за послѣднее время казачье-слободской подпужный промыселъ находится подъ сильнымъ ударомъ отъ конкуренціи фабричныхъ издѣлій. Невгодно отпечатлѣваясь на заработкѣ, это обстоятельство годъ отъ году ослабляетъ рвеніе промышленницъ и значительно сокращаетъ самое число ихъ. Такъ какъ будущее ничего не сулитъ утѣшительнаго, то съ достовѣрностью можно полагать, что черезъ непродолжительное время промыселъ придетъ къ окончательному упадку и всѣ теперешнія подпужницы примутъ на себя роль лоскутницъ. Заработокъ послѣднихъ больше, и самые случаи перехода отъ падающаго промысла къ новому стали повторяться очень часто.

Н. И. Руновскій.